

МЕТАФОРА КАК ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ  
ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

Поиск живописного, выразительного, убедительного слова роднит все виды словесного творчества, будь то труд романиста или поэта, публициста-газетчика или учителя, судебного оратора или политического деятеля. Конечно, различна мера художественной выразительности во всех этих видах работы, но несомненно одно: там, где слово используется не только в целях чистой коммуникации, но и для воздействия на другого человека, возникает проблема поиска наиболее точного, емкого, зримого слова, что часто обуславливает успех выступления того или иного политического деятеля.

Выразительность, образность, эмоциональность языка всегда составляли отличительные качества хорошего публичного выступления и свидетельствовали о мастерстве оратора. Академик В.В. Виноградов считает, что "ораторская речь – особая форма драматического монолога, приспособленного к обстановке общественно-бытового или гражданского «действия»" [2, 120]. Так как ораторская речь направлена на убеждение, воздействие не только на ум, но и на чувства слушателей, побуждения их к активным действиям, соответственно все изобразительные и выразительные средства подчинены этим целям.

Наряду со всеми лексическими средствами языка, широко используемыми в ораторской речи, метафора занимает наиболее видное место благодаря ее роли "искажения" действительности, что представляется необходимым и главным инструментом манипулирования массами и представления политическими деятелями объективной действительности в угоду их интересам. Использование метафоры в ораторской речи преследует цель образного постижения и изображения мира. И поскольку любая публичная речь

должна давать прежде всего информацию, нести в себе некое сообщение, послание, то метафора в таких условиях выполняет свою функцию сообщения по-своему, совмещая ее с функцией воздействия. Осуществление этой комплексной задачи становится возможным благодаря природе метафоры вообще и специфике ее использования в публицистике в частности, поскольку для нее характерно органическое сочетание номинации с оценочностью и эмоционально-воздействующим началом: метафора убеждает, агитирует, оказывает влияние благодаря своему образному строю. Совокупность этих качеств, значительность роли эффективного элемента в семантике метафоры позволяют ей быть органичной частью образно-экспрессивных средств – эквивалентов единиц информационного содержания. В лингвистической науке обычно метафора определяется как троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.

Традиционно метафора рассматривалась как основополагающая среди других средств выразительности. Еще древние греки, различая три категории языка: логику, риторику и поэтику, считали, что основной целью в логике и риторике являются ясность и убедительность, и метафорой здесь пользуются лишь для определенного эффекта: украсить и оживить речь, придать ей возвышенный характер. Метафорический язык составляет важную часть риторики, используемую общественными деятелями для эффективного воздействия и убеждения своей аудитории, и чем оригинальнее создается образ, тем более эффективно выражается мысль. Метафора помогает объяснить сложные аргументы, так как один элемент используется, чтобы развить понимание другого элемента. Итак, политики используют метафору с целью доказать что-либо, и повторение или расширение отдельной метафоры является мощным средством усиления убедительности послания. Например, после террористических актов в США, президент Дж. Буш-младший в

своем обращении к Конгрессу США 20 Сентября 2001 г., заявил: "...Terrorists attacked a symbol of American prosperity; they did not touch its source. America is successful because of the hard work and creativity and enterprise of our people. These were the true strengths of our economy before September 11<sup>th</sup>, and they are our strengths today." Эту развернутую метафору президент США употреблял неоднократно в своих последующих речах, в частности во время своего радиообращения к нации: "...The terrorists who attacked the United States on September 11<sup>th</sup> targeted our economy, as well as our people. They brought down a symbol of American prosperity, but they could not touch its source. Our country's wealth is not contained in glass and steel. It is found in the skill and hard work and entrepreneurship of our people; and those are as strong today as they were two weeks ago." (Сентябрь 22, 2001г.) Тем самым, он, повторяясь и усиливая убедительность своего послания с помощью создания наглядного образа, стремится выразить свою уверенность в непоколебимости Америки и внушить это своим слушателям.

Или же У. Черчилль в своей самой первой речи, будучи премьер-министром Великобритании, в Палате Общин 13 мая 1940 г., повторил свою знаменитую фразу несколько раз, как бы подготавливая общество к тяжелой и длительной войне: "Poor people, poor people. They trust me, and I can give them nothing but disaster for quite a long time", "I have nothing to offer but blood, toil, tears, and sweat".

В традиционной риторике метафора рассматривалась как своего рода отклонение с точки зрения выбора слов и логики их употребления, и поскольку метафора является не только ресурсом образной (поэтической) речи, но и источником новых значений слов, которые способны выполнять номинативную функцию, то вопрос о первичной функции метафоры в риторике решается по-разному. Аристотель, например, считал, что язык – наиболее отличительная черта человека – является лишь средством описания реальной действительности, но изменить эту действительность никак не



может [см. 1]. Представляется необходимым более подробно остановиться на этом суждении великого древнего мыслителя и пересмотреть данную проблему в новом свете в результате ее изменения в ходе исторического развития.

В политических речах очень часто суровая реальность преподносится в более "приукрашенном" виде. Для этой цели используются метафоры и так называемые эвфемизмы. Часто политический язык обвиняют в попытке скрыть истину, и эвфемизм, как и метафора, считается общепринятым средством представления суровой реальности в "нежных" красках. Исходя из вышесказанного можно заключить следующее: хотя язык не может изменить действительность, он в состоянии создать так называемый виртуальный мир, который хочет представить автор речи и именно в тех чертах, в которых его выгодно представить на суд большой аудитории и внушить эту виртуальную реальность, принимаемую за объективную действительность. Так, например, во время конфликта в Боснии в 1990г. использовался термин *ethnic cleansing* – позитивные коннотации глагола *to cleanse* с целью маскировки горькой действительности – уничтожения людей из-за их этнической принадлежности. *Conflict* употреблялся вместо *war*, бомбардировка гражданского населения вместо военных объектов как *collateral damage*, *body bags* – вместо *dead*. Все эти примеры скрывают и маскируют ужасы войны, представляя действительность в ином свете.

Прежде всего следует отметить, что сущность словесной образности заключается в смысловой двуплановости слова, или, что то же самое, в переносном значении слова в речи. Таким образом, для метафоры характерна семантическая двойственность, и эта двойственность, составляющая наиболее существенный признак метафоры, способствует тому, что она применяется к любым видам употребления слов в непрямом смысле. Так, значение слова *conflict* в толковом словаре английского языка следующее: 1) "a serious disagreement; an argument; a struggle; a fight", 2) "a serious difference

of opinions, wishes, etc" [6, 241]. Значение слова war – "a state of fighting between nations or groups within a nation using military force" [там же 1339]. Тем самым, употребление термина conflict преследует цель непризнания того факта, что на самом деле страна в состоянии войны в полном смысле этого слова и со всеми истекающими из этого последствиями, а имеет место только простое столкновение групп интересов в регионе, как это стремились передать некоторые СМИ в то время. Следовательно, между этими двумя терминами существует некоторое семантическое различие в плане позитивных и негативных коннотаций этих слов. И логично, что для роли маскировки фактов действительности, прежде всего войны, отбираются именно слова с позитивными коннотациями. С другой стороны – выбор тех или иных терминов обусловлен проблемой перефразировки и синонимии, что помогает точному и яркому выражению мысли, избегая монотонного повторения одних и тех же слов. То же самое в случае body bags и dead, bombing и collateral damage. Но в данном случае мы имеем дело с эвфемизмами, которые определяются как "индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого" [5, 590].

В работах Дж. Лакоффа, например, ставится вопрос о ведущей роли метафоры в контексте оправдания войны ради достижения определенных целей государства, общества, партии. Так, в своей статье "Metaphor And War: The Metaphor System Used To Justify War In The Gulf" Дж. Лакофф приводит знаменитое изречение немецкого историка и военного теоретика Карла фон Клаузевица (1780-1831), который дал широко известное определение войны: "Война есть не что иное как продолжение государственной политики иными средствами" [4, 23]. Эта знаменитая метафора подразумевает следующее: любое государство имеет свои политические цели, и война как форма социального конфликта лучшим образом может служить достижению этих целей. И, опираясь на нее, Дж.

Лакофф анализирует сложившуюся ситуацию вокруг Персидского залива в 1990 г., когда вопрос для США стоял ребром: вступать в войну с Ираком или не вступать и, что самое главное – убедить общество в том, что война в данном случае более выгодна и, что вступив в нее, государство и общество скорее выиграют, нежели проиграют - это и составляет саму сущность политической речи, в которой оратор рассуждает о выгодах и потребностях общества. И ускорению этого процесса, по мнению Дж. Лакоффа, во многом способствовала метафора. Так, например госсекретарь Бейкер охарактеризовал Саддама Хусейна как отрицательный элемент, готовый в любой момент подорвать экономику США ("*...sitting on our economic lifeline*"), президент Буш-старший представлял Хусейна как основного виновника, "расшатавшего" стабильное развитие экономики и поднявшего мировые цены на нефть, от которых так сильно зависит экономика страны ("*...stranglehold on the US economy*"). И, соответственно, цель присутствия американского военного контингента в заливе, по словам того же президента, заключалась в том, чтобы защитить свободу и будущее американской нации, не говоря уже об экономических выгодах. Но США вступают в войну не только исходя из своих национальных интересов и не с целью захватить Ирак, а с целью уберечь "маленькую и беспомощную страну от порабощения". ("*...to protect freedom, protect our future, and protect the innocent..., and we must push Saddam Hussein back*"), (*the dictator of Iraq invaded a small and helpless neighbor. Kuwait – a member of the Arab League and a member of the United Nations – was crushed; its people brutalized*). (Из речи Дж. Буша "Объявление войны Ираку", Январь 16, 1991 г.)

И наконец, Лакофф, исходя из приводимых в своей статье примеров, приходит к заключению о том, что "метафорическое мышление само по себе обычное и неизбежное явление, но применение, использование метафор с некоторыми определениями может стать пагубным, особенно когда они скрывают реальные факты



действительности" [7, 25-32]. "Важно, - продолжает он, - различать, что на самом деле метафорическое, а что нет. Боль, разъединение семей, смерть и голод в любой войне не метафорические, а реально существующие факторы, которые причиняют страдания сотни тысячам людей, то они жители Ирака, Кувейта или Америки" [там же].

Таким образом, метафора, налаживая связь времен, событий и предметов, освещает мир в соответствии с его изменениями. Так, например, такие метафоры как *cold war*, *armament race*, *star wars*, *Iron curtain* отражают свое время, свои проблемы, свой день. Но при этом в их содержании и лексическом наполнении обнаруживается определенное сходство. При внешнем различии лексического наполнения между контекстами, содержащими одну и ту же метафору, возникает "духовная общность." Источником сигнала появления в метафоризированном слове нового для него значения является контекст, поскольку он уточняет слово, несущее двойное значение. Следовательно контекстуальная метафора является продуктом творческого воображения, в результате чего она обладает большой экспрессивной силой, и выступающий с речью стремится с ее помощью повлиять на образ мыслей слушающего, заставить его разделить свою точку зрения на ту или иную проблему. Происходит как бы переключка политической публицистики прошлого с политической публицистикой настоящего. Метафоры из политического словаря фиксируют какой-то этап проводимой внешней или внутренней политики государств, закрепляют названия теорий, доктрин, договоров, партий, определяют состояние общественного мнения, характеризуют тех или иных лиц. События политического, военного, экономического, идеологического, социального значений находят отражение в образных формулировках: *Watergate Case*, *Yalta Conference*, *Fascist Machine*, *Vietnamization*. Соответственно метафоры и, вообще, образность ораторской речи, при всей своей условности, могут выполнять свою конструктивную роль, усиливая устойчивость и воздействующий характер политической информации.

Итак, действующая в ораторской речи система метафор позволяет пересмотреть существующее мнение о чисто утилитарной роли метафор в этом стиле. Метафора является одним из основных слагаемых ораторской образности. Тем самым в политическом контексте не только устраняется смысловая незавершенность метафор, но становится возможным их участие в важнейших функциях публицистики, ораторского искусства – убеждения и эмоционального воздействия.

#### ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Аристотель. Поэтика (Об искусстве поэзии). // Под ред. Ф.А. Петровского,- М.: 1957.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы.-М.: 1980.
3. Виноградов В.В. Стиль Пушкина.-М.: 1945.
4. Клаузевиц К. О Войне, т.1,-М.: 1936.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. // Ред. В.Н. Ярцева.-М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
6. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary.-Oxford University Press, 1995.
7. Lakoff G. Metaphor and war: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. In *Peace Research*. Linguistics Department, Univ-ty of California, May 1991, Vol. 32, № 2, 3, pp. 25-32.